

с. 111. Храпченко: *Жизнь обездоленных людей* [выделено Мих. Лифшицем] стала одной из очень важных тем в творчестве Достоевского.

Лифшиц: Не в этом вовсе дело — Достоевский впервые показал, что бедные да справедливые вовсе *не благообразны*, это даже та критика собственной слабости (которая по-своему продолжает сомнения «Адольфа»^[125] и байронизм), демократического человека. → Но будто бы отсюда следует то, что думал Достоевский. Нет, это значит оскорбить истину и он оскорбил ее.

2. ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

а) Заметки на полях романа «Братья Карамазовы»

[Достоевский Ф. Собр. соч. в 10 томах. М., 1958, т. 9–10]

Том 9

с. 23. Достоевский: Иван Федорович вдруг напечатал в одной из больших газет одну странную статью, обратившую на себя внимание даже и не специалистов, и, главное, по предмету по-видимому вовсе ему не знакомому, потому что кончил он курс естественником. Статья была написана на поднявшийся повсеместно тогда вопрос о церковном суде.

Лифшиц: Ткачев?^[126]

с. 28. Достоевский: [характеристика Алеши:] Между сверстниками он никогда не хотел выставляться. Может, по этому самому он никогда и никого не боялся...

Лифшиц: [неразб.] — то здесь сила *непосредственности*, свободы

с. 30. Достоевский: [характеристика Алеши]

Лифшиц: полная противоположность расчета

с. 35. Достоевский: Алеша был даже больше, чем кто-нибудь, реалистом. О, конечно, в монастыре он совершенно веровал в чудеса, но, по моему, чудеса реалиста никогда не смутят.

Лифшиц: Верующие реалисты, кроме не верующих. Чудо от веры.

с. 36. Достоевский: [характеристика Алеши:]

Лифшиц: некоторые все же черты чайковцев и долгушинцев...^[127]

с. 38. Достоевский: [характеристика старчества, послушник старца:] Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, т. е. свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли.

Лифшиц: Если свобода есть прежде всего свобода от самого себя. А было бы умнее не так — если бы он *все исполнил*, тщеславие в этом.

с. 40. Старец Зосима был лет шестидесяти пяти, происходил из помещиков, когда-то в самой ранней юности был военным и служил на Кавказе обер-офицером.

Лифшиц: Толстовская история.

с. 54. Достоевский [о Ф. Карамазове].

Лифшиц: Делать и говорить наоборот тому, что полагается и *сознательно*. Шуты — специальность Достоевского.

с. 57. Достоевский [старец Зосима]: Не стесняйтесь, будьте совершенно как дома. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо от сего лишь все и выходит. [Федор Карамазов:] — Совершенно как дома? То есть в натуральном-то виде? О, это много, слишком много, но — с умилением принимаю! Знаете, благословенный отец, вы меня на натуральный-то вид не вызывайте, не рискуйте...

Лифшиц: От обратного. В глубине души сознает свою отверженность.

с. 58. Достоевский [Федор Карамазов]: Ведь если б я только был уверен, когда вхожу, что все меня за милейшего и умнейшего человека сейчас же примут, — господи! какой бы я тогда был добрый человек!

Лифшиц: От мнительности, от мнения. Та же *мнительность* + *обидчивость* = рефлексивная болезнь, «ложь самому себе»

с. 58. Зосима: не предавайтесь сладострастию, а особенно обожанию денег, да закроются ваши питейные дома, если не можете всех, то хотя бы два или три [!? — знаки на полях Лифшица]

Лифшиц: Как Толстой

с. 58. Зосима: Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли?

Лифшиц: Удовольствие от обиды.

с. 73. Зосима: По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей

Лифшиц: Известная техника. Это элемент материализма^[128]. Однако очевидности *без всего*, без предпосылок, нет^[129].

с. 75. Зосима: Сделайте, что можете, и *сочтется* вам [выделено Лифшицем]

Лифшиц: Плата

с. 76. Лифшиц: Все сплошь в общем на чистой рефлексии. Это единственный *аквизит*^[130] (см. выше).

с. 78. [Иеромонах Иосиф, библиотекарь, обращаясь к старцу и указывая на Ивана Федоровича:] По поводу вопроса о церковно-общественном суде и обширности его права ответили журнальной статьей

Лифшиц: Ткачев^[131]

с. 112. [Федор Карамазов:] он, правда, мне ничего не сделал, но зато я сделал ему одну бессовестнейшую пакость, и только что сделал, тотчас же за то и возненавидел его

Лифшиц: Мерзкий характер, хотя и без вины виноват, но уж *мерзостный*. Ларошфуко?

с. 112. [Федор Карамазов:] Ведь уж теперь себя не реабилитируешь, так давай-ка я им еще наплюю до бесстыдства

Лифшиц: Это — идея *совершенства* в *худом роде*

с. 121. Достоевский: Алеша «пронзил его сердце» [Зосимы] тем, что «жил, все видел и ничего не осудил»

Лифшиц: сила

с. 122. Лифшиц: всей гадости, описываемой этим автором, конечно, и в каждом человеке достаточно

с. 146. Лифшиц [о Дмитрии Карамазове]: Но этот — не из [неразб.] *реальных* гадов. Теоретик и потому в нем переход к святости. — Обмен великодушием.

с. 147. Дмитрий Карамазов: Прийти с предложением руки казалось мне низостью

Лифшиц: Бескорыстно в смысле не насилия, не подчинения другого своей воле, внешней для него цели

с. 149. Катерина Ивановна: Не пугайтесь — ни в чем вас стеснять не буду, буду ваша мебель, буду тот ковер, по которому вы ходите...

Лифшиц: Это уж насилие!

с. 149. Дмитрий Карамазов: Она свою добродетель любит, а не меня

Лифшиц: Подозрение во всяком случае есть. Но любить она *должна*, ибо все это *игра рефлексии* именно *бурбона* [т. е. Дмитрия Карамазова]

с. 149. Дмитрий Карамазов: В том и *трагедия*, что *я знаю* это наверно.

Лифшиц: т. е. *еще глубже* дело

с. 150. Дмитрий Карамазов: И вот такой, как я, предпочтен, а он отвергается. Но для чего же? А для того, что девица из благодарности жизнь и судьбу свою изнасиловать хочет!

Лифшиц: Не сомневался в искренности, но сомневается в *любви*. Благородная любовь — не полная любовь, т. е. он продолжает свою линию беспутства уж намеренно, из благородства, чтобы не было сомнений, а все это в высшей степени на том же уровне *заглядывания, рефлексирования*, как и у Чернышевского.

с. 151. Дмитрий Карамазов: Пошел я бить ее [Грушеньку], да у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился и заражен доселе, и знаю, что уж все кончено, что ничего другого и никогда не будет

Лифшиц: Игра.

Нескладица все же — чего он так жаждет денег? Не верил все же [неразб.]. Хочет быть свободным, хочет сказать: «Я тебе не пара»

с. 152. Дмитрий Карамазов: да знаешь ли ты, невинный ты мальчик, что все это бред, немыслимый бред, ибо тут трагедия!

Лифшиц: Ситуация толстовского дьявола

с. 198–199. Дмитрий Карамазов: Но знай, что бы я ни сделал прежде, теперь или впереди, — ничто, ничто не может сравниться в подлости с тем бесчестьем, которое именно теперь, именно в эту минуту ношу вот здесь на груди моей, вот тут, тут, которое действует и совершается и которое я полный хозяин остановить, могу остановить или совершить, заметь это себе! Ну так знай же, что я его совершу, а не останавливаю.

Лифшиц: Все эти люди таковы, все *своевольники*. Разные функции [?] роковой [?] воли.

с. 205. Старец Зосима: Не святее же мы мирских за то, что сюда пришли и в сих стенах затворились, а напротив, всякий сюда пришедший,

уже тем самым, что пришел сюда, познал про себя, что он хуже всех мирских и все и вся на земле... И чем долее потом будет жить иннок в стенах своих, тем чувствительнее должен и сознавать сие.

Лифшиц: Хитро!

с. 205. Зосима: Когда же познает, что не только он хуже всех мирских, но и пред всеми людьми за всех и за вся виноват, за все грехи людские, мировые и единоличные, то тогда лишь цель нашего единения достигается

Лифшиц: Когда уж так за всех виноват, то и хорош, свят^[132]

с. 205–206. Зосима: Греха своего не бойтесь, даже и сознав его, лишь бы покаяние было, но условий с богом не делайте

Лифшиц: Условие, чтобы не делать условий

с. 206. Зосима: Не ненавидьте атеистов, злоучителей, материалистов, даже злых из них, не токмо добрых, ибо из них много добрых, наипаче в наше время. Поминайте их на молитве тако: спаси всех, господи, за кого некому помолиться, спаси и тех, кто не хочет тебе молиться. И прибавьте тут же: не по гордости моей молю о сем, господи, ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся...

Лифшиц: Ишь [?] ты какой [?]? Его маковка^[133].

с. 266. Достоевский: Вдруг он [штабс-капитан, отец Илюши] отскочил назад и выпрямился перед Алешей. Весь вид его изобразил собой неизъяснимую гордость

Лифшиц: Естественно [?]. Ибо это ненависть не к одному обидчику, а к системе. А все-таки у Толстого было бы не так. И то мне больше по душе.

с. 294. Иван Карамазов: Я с тобой хочу сойтись, Алеша, потому что у меня нет друзей, попробовать хочу. Ну, представь же себе, может быть, и я принимаю бога, — засмеялся Иван, — для тебя это неожиданно, а?

Лифшиц: А Алеша-то сомневается.

с. 294. Иван: И не то странно, не то было бы дивно, что бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль — мысль о необходимости бога — могла залезть в голову такому дикому и злему животному, как человек, до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку.

Лифшиц: А между тем и неудивительно^[134]

с. 297. Иван: [о святом, который дышал в гноящийся и зловонный от ужасной болезни рот голодного и обмерзшего человека]: Я убежден, что он это сделал *с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви* [выделено Лифшицем], из-за натащенной на себя эпитимии

Лифшиц: → Аналогично Герцену и Бакунину, против [неразб.] долга

с. 297. Алеша: [старец Зосима] тоже говорил, что лицо человека часто многим еще неопытным в любви людям мешает любить.

Лифшиц: *опыт* любви. Проблема красивого лица, благолепия. Все чтобы было благообразно

с. 297. Иван: К тому же страдание и страдание: унижительное страдание, унижающее меня, голод, например, еще допустит во мне *мой бла-*

годетель [выделено Лифшицем], но чуть повыше страдание, за идею, например, нет, он это в редких случаях допустит, потому что он, например, посмотрит на меня и вдруг увидит, что у меня вовсе *не то лицо* [выделено Лифшицем], какое по его фантазии должно бы быть у человека, страдающего за такую-то, например, *идею* [выделено Лифшицем]. Вот он и лишит меня сейчас же своих благодеяний и даже вовсе не от злого сердца. Нищие, особенно благородные нищие, должны бы были наружу никогда не показываться, а лишь просить милостыню через газеты.

Лифшиц: а острая нравственная постановка вопроса: полюбите нас черненькими... Острая нравственная постановка вопроса это тот же анти-либерализм (и анти-эстетизм) — пока само не перешло в либерализм
с. 298. Иван: Если они [дети] на земле тоже ужасно страдают, то уж, конечно, за отцов своих, наказаны за отцов своих, съевших яблоко, — но ведь это рассуждение из другого мира, сердцу же человеческому здесь на земле непонятное. Нельзя страдать неповинному за другого, да еще такому неповинному. [...] И заметь себе, *жестокие люди, страстные, плотоядные, карамазовцы* [подчеркнуто Лифшицем], иногда очень любят детей.

Лифшиц: круговая порука

с. 300. Иван: ...Ришар подарен им [горным швейцарским пастухам] был как вещь и они даже не находили необходимым кормить его. Сам Ришар свидетельствует, что в те годы он, как блудный сын в евангелии, желал ужасно поесть хоть того месива, которое отдавали откармливаемым на продажу свиньям, но ему не давали даже этого и били...

Лифшиц: А у них жестокий порядок охраны частных лиц. С умилением, с *внутренней* [далее неразб.]

с. 302. Иван: И вот интеллигентный образованный господин и его дама секут собственную дочку...

Лифшиц: Свобода, культура с сечением, с битьем...

с. 303. Иван: Тут именно незащищенность-то этих созданий и соблазняет мучителей, ангельская доверчивость дитяти, которому некуда деться и некуда идти...

Лифшиц: Садизм = демонизм

с. 303–304. Иван: понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, послушник ты мой божий и смиренный, понимаешь ли ты, для чего эта ахинея так нужна и создана! Без нее, говорят, быть бы не мог человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столького стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезинок ребеночка к «боженьке».

Лифшиц: *Ахинея* нужна для познания, а на кой? Отчасти верно. Ничто *не* нужно, *нужно только добро*. Безусловно дано [?] познание [?] условно. Но познать все же нужно это даже Ивану... *Distinguo*¹

¹ Я различаю (лат.).

с. 305. Достоевский: — Расстрелять! — тихо проговорил Алеша...

Лифшиц: Ага!

с. 305. Достоевский: [Алеша:] — Я сказал *нелепость*, но... [выделено Лифшицем]

[Иван:] — То-то и есть, что но... — кричал Иван. — Знай, послушник, что нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может быть, в нем совсем ничего бы не произошло. Мы знаем что знаем!

Лифшиц: т. е. ахинея. Таким образом ахинея становится богом^[135].

с. 306. Иван: Что мне в том, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравнивается, — но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! Что мне в том, что виновных нет и что я это знаю, — мне надо возмездие, иначе ведь я истреблю себя.

Лифшиц: Возмездие — [неразб.] Но см. с. 305, 307, оно входит в нелепость, т. е. аргументы против либретто^[136], но предполагается все же либретто.

с. 307. Лифшиц: пока все это против религии, но не против материализма^[137]

с. 308. Иван: Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и неправ*.

Лифшиц: Правота Достоевского (хотя это и не последнее его слово^[138]). У Толстого по-другому.

с. 308. Иван: — И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?

Лифшиц: ср. письмо Белинского^[139]

с. 308. Алеша: Но существо это есть, и оно может все простить, всех и вся *и за все*, потому что само отдало *неповинную кровь свою* [выделено Лифшицем] за всех и за все.

Лифшиц: Искупление грехов неповинной кровью^[140]

с. 314. Великий инквизитор: Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это, или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли, знаешь ты это?

Лифшиц: Немного [?] проблема, затронутая у Дидро в «Разговоре отца с детьми»^[141] — Необходимость отчуждения.

с. 316. Иван: Он [Великий инквизитор] ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми

Лифшиц: «Бунт» не жизнь. С. 308. Свобода, но не счастье

с. 317. Иван: ...ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!

Лифшиц: *Невыносимость свободы* (бунта). Счастье зависимости — но суть-то дела в *невыносимости пустой абстрактной свободы*, пусть хоть подчинение, но *традиция, конкретная близость*

с. 318. Великий инквизитор: И если за тобою [Христом] во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? [...] Нет, *нам дороги и слабые* [выделено Лифшицем]. Они порочны и *бунтовщики* [выделено Лифшицем], но под конец они-то станут и послушными.

Лифшиц: Демагогия. Ср. с. 313, 314.

с. 319. Лифшиц: Проблема хлеба — (Герцен) *иначе*.

с. 320. Великий инквизитор Христу: И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было *не по силам людей* [выделено Лифшицем], а потому поступил *как бы и не любя их вовсе* [выделено Лифшицем], — и это кто же: тот, который пришел отдать за них жизнь свою!

Лифшиц: И правильно^[142]

с. 321. Великий инквизитор: Ты не сошел с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: «Сойди с креста и уверуем, что это ты». Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной

Лифшиц: А это противоречие

с. 328–329. Иван [о Великом инквизиторе]: На закате дней своих он убеждается ясно, что лишь советы великого страшного духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить в сносном порядке малосильных бунтовщиков, *«недоделанные пробные существа, созданные в насмешку»* [выделено Лифшицем]. И вот, убедясь в этом, он видит, что надо идти по указанию *умного духа, страшного духа смерти и разрушения* [выделено Лифшицем], а для этого принять *ложь и обман и вести людей уже сознательно к смерти и разрушению* [выделено Лифшицем] и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут...

Лифшиц: Весьма подчеркнуто в легенде, что люди «бунтовщики», но не настоящие революционеры — идеалисты. Ср. «Бунт» Штирнера^[143]

То он «реалист», то весь реализм есть лишь негативность идеализма. *Бескорыстное зло*

с. 330. Лифшиц: Иерархия: 1. низость 2. широта разгула 3. интеллектуальное наслаждение тем, что «все позволено» 4. шутовская [?] любовь

с. 330. Достоевский, Иван: Но он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его обескровленные уста

Лифшиц: Это поцелуй добра бескорыстно злему!

с. 330. Иван: — Есть такая сила, что все выдержит! — с холодной уже усмешкой проговорил Иван. — Какая сила? — Карамазовская... *сила низости* [выделено Лифшицем] карамазовской.

Лифшиц: Ключ к низости! То, что остается, когда и бескорыстное зло — абстракция. То *естественное* основание, которое выдерживает, *остается*

с. 331. Иван: От формулы «все позволено» я не отрекусь, ну и что же, за это ты от меня отречешься, да, да? — Алеша встал, подошел к нему и молча тихо поцеловал его в губы.

Лифшиц: Значит, «все позволено» — это высший полет по отношению к простой низости. Интеллектуальное наслаждение *ничем*.

Роковая любовь к *Добру* у них всех.

с. 335. Достоевский [о Смердякове]: Так или этак, но во всяком случае начало выказываться и обличаться самолюбие необъятное и притом самолюбие оскорбленное

Лифшиц: От *Голядкина до Смердякова*. Низшие души. Но они и в высших

с. 335. Достоевский [о Смердякове]: Даже подивиться можно было нелогичности и *беспорядку* [выделено Лифшицем] иных желаний его, поневоле выходящих наружу и всегда одинаково неясных

Лифшиц: Это очень часто у Достоевского

с. 335. Достоевский: ...Смердяков видимо стал считать себя бог знает почему в чем-то наконец с Иваном Федоровичем как бы солидарным, говорил всегда в таком тоне, будто между ними вдвоем было уже что-то условленное и как бы секретное...

Лифшиц: Ср. Тимона Афинского^[144] и его двойник. Это всегда ужасно. Негативная величина большого полета и *жулик, лакей. Ставрогин* и П. Верховенский

с. 357–358. Зосима: Чудно это, отцы и учителя, что, не быв столь похож на него лицом, а лишь несколько, Алексей казался мне до того схожим с тем духовно, что много раз считал я его как бы прямо за того юношу, брата моего, пришедшего ко мне на конце пути моего таинственно, для некоего воспоминания и проникновения, так что даже удивлялся себе самому и такой странной мечте моей.

Лифшиц: Удивительно, все *для меня*

с. 361. Достоевский: «Мама, — отвечает ей [брат старца Зосимы], — не плачь, жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай»

Лифшиц: Фейербах, Гейне

с. 365. Зосима — библейская легенда об Иове: Слышал я потом слова насмешников и хулителей, слова гордые: как это мог господь отдать любимого из святых своих на потеху диаволу, отнять от него детей, поразить его самого болезнью и язвами так, что черепком счищал с себя гной своих ран, и для чего: чтобы только похвалиться перед сатаной: «Вот что, дескать, может вытерпеть святой мой ради меня!» Но в том и великое,

что тут тайна, — что мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе. Перед правдой земною совершается действие вечной правды

Лифшиц: Хорошо сказано, но... Правда и Болинброка и Вольтера^[145]. Почему не так «соприкоснулось», как у греков?

с. 365–366. Зосима: И сколько тайн разрешенных и откровенных: восстанавляет бог снова Иова, вновь богатство, проходят опять многие годы, и вот у него уже новые дети, другие...

Лифшиц: А дети-то, дети здесь какую роль играют? Они ведь не статисты?

Почему он так всепрощающе здесь и так строго к «ахинею»? Значит, и ахинею надо простить как мор[альный] символ?

с. 366. Зосима: — а надо всем-то правда божия, умиляющая, примиряющая, всепрощающая!

Лифшиц: So! [Так! (нем.) — иронич. замечание]: А не «расстрелять»? Сладкая фейербаховщина уже на постном масле!

с. 366–367. Зосима [о сельских священниках]: Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, — прослышат отцы, и отцы приходиться начнут [...] Разверни-ка он им эту книгу и начни читать *без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко* [выделено Лифшицем]...

Лифшиц: Да ведь сие православие все же немного и еретическое, хотя и не толстовское христианство

с. 369. Зосима: Посмотри, — говорю ему, — на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость и какая красота в его лике. Трогательно это даже и знать, что на нем нет никакого греха, ибо все *совершенно, кроме человека, безгрешно*, и с ними *Христос еще раньше нашего* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: Св. Франциск [Ассизский]

с. 379 [слова Зосиме «таинственного посетителя»]: «Что жизнь есть рай, — говорит вдруг мне, — об этом я давно уже думаю, — и вдруг прибавил: — Только об этом и думаю». Смотрит на меня и улыбается.

Лифшиц: против иудаизма [?] = жизнь есть ад. Ну, [неразб.] «перекопал» Фейербаха на православный лад

с. 379–380 [слова Зосиме «таинственного посетителя»]: Знайте же, что несомненно сия мечта, как вы говорите, сбудется, тому верьте, но не теперь, ибо *на всякое действие свой закон*. Дело это *душевное, психологическое* [выделено Лифшицем]. Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психологически повернулись на другую дорогу. Раньше чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства. Никогда люди никакою наукой и накакою выгодой не сумеют безобидно разделитья в собственности своей и в правах своих.

Лифшиц: Нет ли мистики немецкого или польского происхождения?

с. 380. Достоевский [слова Зосиме «таинственного посетителя»]: Копит уединенно богатство и думает: сколь силен я теперь и сколь обеспечен, а и не знает безумный, что чем более копит, тем более погружается в самоубийственное бессилие

Лифшиц: «Истинный социализм»!^[146]

с. 380. Достоевский [слова Зосиме «таинственного посетителя»]: Тогда и явится знамение сына человеческого на небеси... Но до тех пор надо все-таки *зная беречь* [выделено Лифшицем] и нет-нет, а хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хоть бы даже и *в чине юродивого* [выделено Лифшицем]. Это чтобы не умирала великая мысль...

Лифшиц: Это уж похоже

с. 382. Достоевский [рассказ Зосиме «таинственного посетителя» о своем преступлении]: При виде спящей разгорелась в нем страсть, а затем схватила его сердце мстительная ревнивая злоба, и, не помня себя, как пьяный, подошел и вонзил ей нож прямо в сердце, так что она и не вскрикнула

Лифшиц: Чушь все-таки!

с. 390. Достоевский [публичное объявление о своем преступлении и смерть «таинственного посетителя»]

Лифшиц: Нет, все не так! Эта иллюстрация, действительно, сие показывает. Это что-то вроде гегелевской теории самонаказания^[147]. Гуманнее католическая теория исповеди и отпущения грехов. Гуманнее и человеческий закон давности

с. 393. Зосима: Я знал одного «борца за идею», который сам рассказал мне, что, когда лишили его в тюрьме табаку, то он до того был измучен лишением сим, что чуть не пошел и не предал свою «идею», чтобы только дали ему табаку

Лифшиц: Вздор!

с. 394. Зосима: Народ загноился от пьянства и не может уже отстать от него

Лифшиц: А это вовсе и не ново

с. 395. Зосима: Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и *сие поймут лишь у нас* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: Что есть разница между равенством формальным и «*равенством духовным*», предполагающим даже возможное неравенство положения (если и не материального) — это факт

с. 397. Зосима: И почему я не могу быть слугою слуге моему и так, чтобы он даже видел это, и уж без всякой гордости с моей стороны, а я с его неверия?

Лифшиц: Решение проблемы господ и слуг посредством уничтожения *гордости*. Что *гордость* есть нравственная проблема, связанная с неравенством, сие есть факт, *но* старая религиозная демагогия эта война против гордости — во все времена, *да и гордость-то двойственна*. Досто-

евский *слишком* казнит сию мерзость. Гордость снизу хоть и может изойти надрывом, все же симптом [?] добрый [?]. Distinguo!¹

с. 397. Зосима: Даже и теперь еще это так исполнимо, но послужит основанием к будущему уже великолепному единению людей, когда не слуг будет искать себе человек и не в слуг пожелает обращать себе подобных людей...

Лифшиц: Тоже небось *две ступени* у этого христианского социализма!^[148]

с. 398. Зосима: «Что же нам, говорят, посадить слугу на диван да ему чай подносить?» А я им тогда в ответ: «Почему же и не так, хотя бы только иногда»

Лифшиц: Это — вполне демократическое возможное правило

с. 399. Зосима: Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и в грехе его...

Лифшиц: Почему же не кулаков и мироедов?

с. 399. Зосима: А меня отец Анфим учил деток любить: он, милый и молчаливый в странствиях наших, на подаянные грошики им пряничков и леденцу, бывало, купит и раздаст: проходить не мог мимо деток без потрясения душевного: таков человек

Лифшиц: Это все-таки «гордость» и для себя. *Не входит* человек в дела, страдания [?] другого, а *откупается*!^[149] Войти надо!

с. 401–402. Зосима: Если можешь принять на себя преступление стоящего перед тобою и судимого сердцем твоим преступника, то немедленно прими и пострадай за него сам, его же без укора отпусти

Лифшиц: Если бы это было возможно, то пострадавший за другого не мог бы существовать и часа.

с. 402. Зосима: А не придет, все равно: не он, так другой *за него* [выделено Лифшицем] познает, и пострадает, и осудит, и обвинит сам себя, и *правда будет восполнена* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: Сия полная взаи[неразб.] возможная [?] на круговой поруче все же весьма абстрактна: отвечают больше люди развитые, вменяемые, хотя верно, что и не самые преступные, ибо они знают и не действуют для устранения причин преступления

с. 403. Лифшиц: Основная истина: сам виновен

с. 403. Зосима: Не принимает род людской пророков своих и чтят тех, коих замучили

Лифшиц: «Ахиня»!^[150]

с. 404. Лифшиц: Жизнь есть рай, а ад — будто бы нельзя жить и любить!^[151] Ересь!

с. 404. Зосима: Ибо хотя простили бы их праведные из рая, созерцая муки их, и призвали бы их к себе, любя бесконечно, но тем самым им еще более бы приумножили мук, ибо возбудили бы в них еще сильнее пламень жажды ответной, деятельной и благодарной любви, которая уже невозможна

¹ Я различаю (лат.).

Лифшиц: Что так? Ведь возможна она для мертвых праведников?

с. 411. Достоевский: ...возник было между находившимися у гроба вопрос: надо ли отворить в комнате окна?

Лифшиц: Это — главная проблема. Как сходятся между собой два мира^[152]. То же в разговоре с чертом и то же в легенде о Великом инквизиторе. Как великий человек ходит в сортир?

с. 423. Достоевский: Ну и пусть бы не было чудес вовсе, пусть бы ничего не объявилось чудного и не оправдалось бы немедленно ожидаемое, но зачем же объявилось бесславие, зачем попустился позор, зачем это поспешное тление, «предупредившее естество», как говорили злобные монахи?

Лифшиц: т. е. именно почему такое короткое расстояние от истины до воли? Какой смысл, справедливость? Смысл, благолепие мира, где они? Остается черт^[153].

с. 629. Достоевский [сон Мити Карамазова:] И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы *сейчас же это сделалось* [выделено Лифшицем], не отлагая и *несмотря ни на что, со всем безудержием карамазовским* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: И вот кутить и скандалить для этого — по-дворянски. ↔ «Карамазовское безудержие». Азия и глубокая анархия, а сила большая^[154].

с. 630–631. Митя Карамазов: — Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех — пусть уж так будет решено теперь — из всех я самый подлый гад!

Лифшиц: Это почти признание, что о [?] «дите» он виноват. Но хотя буйствует [?] и тем признается [?]

Том 10. Часть IV. Эпилог. Собр. соч., т. 10. М., 1958

с. 23. Достоевский: — Я люблю наблюдать *реализм* [выделено Лифшицем], Смуров, — заговорил вдруг Коля.

Лифшиц: «Реализм» всюду у Достоевского. Он не сходит с уст Мишеньки в I томе.

с. 77. Достоевский [Грушенька о «помешательстве» Мити]: ...стал он мне вдруг говорить про дите, т. е. про дитяню какого-то, «зачем, дескать, бедно дите?» «За дите-то это я теперь и в Сибирь пойду, я не убил, но мне надо в Сибирь пойти» [вся фраза подчеркнута Лифшицем и на полях поставлен знак NB]

с. 93. Достоевский [Алеша в разговоре с Лизой]: Потребность раздавить что-нибудь хорошее али вот, как вы говорили, зажечь. Это тоже бывает

Лифшиц: Великая (и карамазовская) стихия — давить хорошее из жажды [?] более безусловно хорошего. Анархия как ответ на ограниченность хорошего — и в либерализме и так называемом социализме

с. 94. Достоевский [Алеша, а затем Лиза]: — Есть минуты, когда люди любят преступление, — задумчиво проговорил Алеша. — Да, да! Вы мою мысль сказали, любят, все любят и всегда любят, а не то что «минуты». Знаете, в этом все как будто условились лгать и все с тех пор лгут. Все говорят, что ненавидят дурное, а про себя все его любят

Лифшиц: Да, это всеобщая структура сознания, начиная с первобытности. Но вечное в этом не так парадоксально, а парадоксальное не так вечно. Все человеческое добро немного пошло и потому есть искушение его нарушить. Особенно когда это добро украшается еще лицемерием. Современность и черт, и его идея анархо-либерал[изма]

с. 94–95. Достоевский [Лиза о своем сне]: И вдруг мне ужасно *захочется вслух начать бога бранить* [выделено Лифшицем], вот и начну бранить, а они-то [черти] вдруг опять толпой ко мне, так и обрадуются, вот уж и хватают меня опять, а я вдруг опять перекрещусь — а они все назад. Ужасно весело, дух замирает [на полях против этой фразы Лифшицем поставлен восклицательный знак]

Лифшиц: *Сон. Азартная игра богохульства и раскаяния*

с. 96–97. Достоевский: — Это хорошо, — как-то проскрежетала Лиза, — когда он вышел и засмеялся, я почувствовала, что в презрении быть хорошо. И мальчик с отрезанными пальчиками хорошо, и в презрении быть хорошо...

И она как-то злобно и воспаленно засмеялась Алеше в глаза.

Лифшиц: Все то же «наоборотничество» и «негативное поведение» Юнга как выход. Но — пошлость, какое-то прислужничество, уважительное прислужничество к жестокой толпе мещан, кот[орая] объявляется святой в своем *инстинкте* [?] *зла* (а этот инстинкт зла — удочка, на которую *довится толпа*). А больше мне нравится Чехов (чиновник, раздавивший таракана^[155]) и Куприн о ведьме^[156].

Раскаяние и жажда святости у Достоевского есть. Но освобождения посредством реальной иронии — у него нет.

с. 98. Достоевский: А Лиза, только что удалился Алеша, тотчас же отвернула щеколду, приотворила капельку дверь, вложила в щель свой палец и, захлопнув дверь, изо всей силы придавила его. Секунд через десять, высвободив руку, она тихо, медленно прошла по свое кресло, села, вся выпрямившись, и стала пристально смотреть на свой почерневший пальчик и на выдавившуюся из-под ногтя кровь. Губы ее дрожали, и она быстро, быстро шептала про себя: — Подлая, подлая, подлая!

Лифшиц: Раскаяние = наслаждение

с. 98–99. Достоевский: Что же до Алеши, то исправник очень любил его и давно уже был с ним знаком [...] У смотрителя же острога, благодушного старика, хотя и крепкого служаки, он [Ракитин] давал уроки.

Лифшиц: Идеалы [?] следователи да исправники. Бр. [междометие]

с. 105. Достоевский [Митя]: Потому что все за всех виноваты. За всех «дите», потому что есть малые дети и большие дети. Все — «дите». За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти.

Лифшиц: Преобразование [?] мысли Герцена. [Неразб.] мысли. Но и это не произвол [?] — действительно круговая порука без выхода (относительно)

с. 105. Достоевский [Митя]: И тогда мы, подземные человеки, запоем из недр земли трагический гимн богу, у которого радость! Да здравствует бог и его радость!

Лифшиц: Бог — радость. Это все время.

с. 106. Достоевский [Митя]: И, кажется, столько во мне этой силы теперь, что я все поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: *я есмь* [выделено Лифшицем]! В тысяче мук — я есмь, в пытке корчусь — я есмь! В столпе сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что солнце есть, — это уже вся жизнь.

Лифшиц: Эта философия неизбежно должна прийти и к этой онтологической схеме — бытие жизни вне блага и зла, страдания и счастья

с. 158. Достоевский [о том, как Иван Карамазов пьяного мужика догнал в частный дом]

Лифшиц: Сразу уже и к мужику другой

[Достоевский. Черт. Кошмар Ивана Федоровича]

с. 162. Иван: — А ты, — раздражительно обратился он к гостю, — это я сам сейчас должен был вспомнить, потому что именно об этом томило тоской! Что ты выскочил, так я тебе и поверю, что это ты подсказал, а не я сам вспомнил?

Лифшиц: Игра рефлексии. Сам или не сам...

с. 162. Достоевский [черт Ивану]: Притом же в вере никакие доказательства не помогают, особенно материальные. [...] Вот, например, спириты... я их очень люблю... вообрази, они полагают, что полезны для веры, потому что им черти с того света рожки показывают. «Это, дескать, доказательство уже, так сказать, материальное, что есть тот свет»

Лифшиц: Проблема духовного на материальной [?] подкладке. Как это? Если на материальной подкладке, то что же дух? Маковка за кем?

с. 162. Достоевский [черт Ивану]: Я хочу в идеалистическое общество записаться, оппозицию у них буду делать: «дескать, реалист, а не материалист, хе-хе!»

Лифшиц: Именно среднее, *подлое, либеральное*

с. 163. Достоевский [Иван черту]: — Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду, — как-то яростно даже вскричал Иван. — Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак.

Лифшиц: Реально ли зло? Или оно только призрак, тень добра — недостаток, непонимание. Величина ли?

с. 164. Достоевский [Иван черту]: — Браня тебя, себя браню! — опять засмеялся Иван, — ты — я, сам я, только с другой рожей. Ты именно говоришь то, что я уже мыслю... и ничего не в силах сказать мне нового!

Лифшиц: *Рефлексия*

с. 164. Достоевский [Иван черту]: — Только все скверные мои мысли берешь, а главное — глупые. Ты глуп и пошл [подчеркнуто Лифшицем]. Ты ужасно глуп.

Лифшиц: Глупость

с. 165. Достоевский [черт Ивану]: Ведь *я и сам, как и ты же, страдаю от фантастического* [выделено Лифшицем], а потому и люблю ваш *земной реализм* [выделено Лифшицем]. Тут у вас все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все *какие-то неопределенные уравнения* [выделено Лифшицем]! [...] Моя мечта это — воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит. Мой идеал — войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца, ей-богу так.

Лифшиц: Это очень НВ. Есть даже мода на второсортность

с. 166. Достоевский: — Дурак! — отрезал Иван. — Зато ты-то как умен. Ты опять бранишься?

Лифшиц: То же все *ругаетсяя*. [Неразб.] Дурак! Как [?] противоположность

с. 167. Достоевский [черт Ивану]: Я хоть и твоя галлюцинация, но, как и в кошмаре, я говорю *вещи оригинальные* [выделено Лифшицем], какие тебе до сих пор в голову не приходили...

Лифшиц: Якобы «новое». Да это же эксцесс рефлексии! «Новая реальность»

Все-таки и для Достоевского это только «мой кошмар». То есть *черт — чистая рефлексия, все у него то же*. Но в то же время дурное, негативное *par excellence!* Связь рефлексии с *отрицанием голым*, с дурным, со злом. → Ибо это не реально-новое. Не изменение, а *собственное отрицание*, в пределах дряни. Есть выходы, но большей частью выхода нет. Отрицание того, когда выхода нет и это тоже выход.

с. 167. Достоевский [черт Ивану]: ...конечно, это один только миг, но ведь и луч света от солнца идет целых восемь минут, а тут, представь, во фраке и в открытом жилете. Духи не замерзают, но уж когда воплотился, то... словом, светренничал...

Лифшиц: Точно как в современной физике

с. 167. Достоевский [черт Ивану]: ...т. е. какое мороз — это уж и морозом назвать нельзя, можешь представить: сто пятьдесят градусов ниже нуля! [! — знак Лифшица]

Лифшиц: [неразб.]

с. 169–170. Достоевский [черт Ивану]: Но для жизни мало одной «осанны», надо, чтоб «осанна»-то эта переходила через горнило сомнений, ну и т. д., в этом роде. Я, впрочем, во все это не ввязываюсь, не я сотворял, не я и в ответе. Ну и выбрали козла отпущения, заставили писать в отделение критики, и получилась жизнь [выделено Лифшицем].

¹ По преимуществу, преимущественно (*фр.*).

Лифшиц: Черт как козел отпущения, так сказать, очернитель его величества.

с. 170. Достоевский [черт Ивану]: Мы эту комедию понимаем: я, например, прямо и просто требую себе уничтожения. *Нет, живи, говорят, потому что без тебя ничего не будет* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: Вроде хозрасчета, материальной заинтересованности

с. 170. Достоевский [черт Ивану]: Я страдаю, а все же *не живу* [выделено Лифшицем]. Я икс в неопределенном уравнении. Я какой-то *призрак жизни* [выделено Лифшицем], который *потерял все концы и начала* [выделено Лифшицем]...

Лифшиц: ?!

с. 170. Достоевский: — Есть бог или нет? — опять со свирепой настойчивостью крикнул Иван.

— А, так ты серьезно? Голубчик мой, ей-богу *не знаю* [выделено Лифшицем], вот великое слово сказал.

Лифшиц: Агностик

с. 170–171. Достоевский [черт Ивану]: Je *pense* [выделено Лифшицем] *donc je suis*¹, это я знаю наверно, остальное же все, что кругом меня, все эти миры, *бог и даже сам сатана* [выделено Лифшицем], — все это для меня не доказано, существует ли оно само по себе, или есть только одна моя эманация, последовательное развитие моего я, существующего до-временно и единолично...

Лифшиц: Сие, конечно, было истолковано в духе экзистенциализма, против картезианства^[157]

с. 172. Достоевский [черт Ивану]: То-то вот реформы-то на неприготовленную почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред! Древний огонек-то лучше бы.

Лифшиц: Черт хоть и либерал, но...

с. 173. Достоевский [Иван черту]: — Ни одной минуты! — яростно вскричал Иван. — *Я, впрочем, желал бы в тебя поверить!* [выделено Лифшицем] — странно вдруг прибавил он.

Лифшиц: Все время речь идет о том, *существует ли черт* или он лишь воображение. *Реальное бытие зла*.

с. 173–174. Достоевский [черт Ивану]: — Эге! Вот, однако, признание! Я добр, я тебе помогу. Слушай: *это я тебя поймал, а не ты меня!*

Лифшиц: продолжается игра рефлексии

с. 174. Достоевский [черт Ивану]: — Ажешь! Цель твоего появления уверить меня, что ты есть.

Лифшиц: Наоборотничество

с. 174. Достоевский [черт Ивану]: *Я тебя вожу между верой и безверием попеременно, и тут у меня своя цель. Новая метода-с: ведь когда ты во мне совсем разуверишься* [выделено Лифшицем], то тотчас меня

¹ Я мыслю, следовательно, я существую (фр.).

же в глаза начнешь уверять, что я не сон, а есмь в самом деле, я тебя уж знаю; вот я тогда и достигну цели

Лифшиц: 2. Наоборотничество рефлексии

с. 175. Достоевский [черт Ивану]: — Друг мой, я хотел только тебя рассмешить, но клянусь, *это настоящая иезуитская казуистика*, и клянусь, все это случилось буква в букву, как я изложил тебе [выделено Лифшицем]

Лифшиц: это [неразб.] не так глупо — оправдание зла путем казуистики рефлексии

с. 176–177. Достоевский [черт Ивану]: Ты оскорблен, во-первых, в эстетических чувствах твоих, а во-вторых, в гордости: как, дескать, к такому великому человеку мог войти такой *пошлый черт*? Нет, в тебе таки есть эта *романтическая струйка, столь осмеянная еще Белинским* [...] И все ты о том, что я глуп. Но бог мой, я и претензий не имею равняться с *тобой* умом. Мефистофель, явившись к Фаусту, засвидетельствовал о себе, что он *хочет зла, а делает лишь добро*. Ну, это как ему угодно, *я же совершенно напротив* [выделено Лифшицем]. Я, может быть, единственный человек во всей природе, который *любит истину и искренне желает добра*. [...] Уже слетало, уже рвалось из груди... Я ведь, ты знаешь, очень чувствителен и художественно восприимчив. Но *здравый смысл* — о, самое несчастное свойство моей природы — удержал меня и тут в должных границах, и я пропустил мгновение [...] Я ведь знаю, тут есть *секрет*, но *секрет мне ни за что не хотят открыть*, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись в чем дело, *рявкну «осанну»*, и тотчас исчезнет *необходимый минус* и начнется во всем мире *благоразумие*, а с ним, разумеется, и конец всему, даже газетам и журналам, потому что кто ж на них тогда станет подписываться [все выделения выше сделаны Лифшицем]

с. 178. Достоевский [черт Ивану]: Нет, пока не открыт *секрет*, для меня существуют *две правды*: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, какая будет почище... Ты заснул? — Еще бы, — злобно простонал Иван, — все, что *есть глупого в природе моей, давно уже пережитого, перемолотого в уме моем, отброшенного, как падаль, — ты мне же подносишь как какую-то новость!* [Все выделения выше сделаны Лифшицем]

Лифшиц: действительно — *пошлость веков*

с. 178–179. Достоевский [черт Ивану]: О, я люблю *мечты пылких, молодых, трепещущих жаждой жизни друзей моих!* [...] Раз человечество отречется поголовно от бога (а я верю, что этот период, параллельно геологическим периодам, совершится), то само собою, без антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит *все новое*. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог [все выделения выше сделаны Лифшицем].

Лифшиц: *пеггий* [?] *бог*^[158]

с. 179. Достоевский [черт Ивану]: Но т. к., ввиду закоренелой глупости человеческой, это, пожалуй, еще и в тысячу лет не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, *позволительно устроиться совершенно как ему угодно, на новых началах. В этом смысле ему «все позволено»* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: *So!*¹ Ткачев

с. 179. Достоевский [черт Ивану]: Все это очень мило; только если захотел мошенничать, зачем бы еще, кажется, *санкция истины* [выделено Лифшицем]

Лифшиц: Действительно!

с. 184. [Иван Алеше:] — Дразнил меня! И знаешь, ловко, ловко: «Совесть! Что совесть? Я сам ее делаю. Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и будем боги». Это он говорил, это он говорил!

— А не ты, не ты? — ясно смотря на брата, неудержимо вскричал Алеша. — Ну и пусть его, брось его и забудь о нем! Пусть он унесет с собою все, что ты теперь проклинаешь, и никогда не приходит!

Лифшиц: Алеша настойчиво проводит это *деление* [подчеркнуто Лифшицем]. Но таким делением едва ли можно освободиться от черта

с. 184. [Иван Алеше:] — Это он говорит, а *он это знает* [выделено Лифшицем]. «Ты идешь совершить подвиг добродетели, а в добродетельство и не веришь — вот что тебя злит и мучит, вот отчего ты такой мстительный». Это он мне про меня говорил, а он знает, что говорит...

Лифшиц: Это аргументация черта

с. 184–185. [Иван Алеше:] Это он про меня говорит, и вдруг говорит: «А знаешь, тебе хочется, чтоб они тебя похвалили: преступник, дескать, убийца, но какие у него великодушные чувства, брата спасти захотел и признался!»

Лифшиц: Это было бы унижением *независимой* от общественных условностей точки зрения

с. 185. [Иван Алеше:] Вот это так уж ложь, Алеша! — вскричал *вдруг Иван* [выделено Лифшицем], засверкав глазами. — Я не хочу, чтобы меня *смерды* [подчеркнуто Лифшицем] хвалили!

Лифшиц: а не смерды? Ракитин = смерд. *Смерд второй раз*

с. 185. [Иван Алеше, слова черта:] «...А ведь ты идешь, идешь, ты все-таки пойдешь, ты решил, что пойдешь. Для чего же ты идешь после этого?» Это страшно, Алеша, я не могу выносить таких вопросов. Кто смеет мне задавать такие вопросы!

Лифшиц: т. е. теория Бернардов рушится

с. 186. [Иван Алеше:] Он меня трусом назвал, Алеша! *Le mot de l'énigme*², что я *трус* [выделено Лифшицем]! «Не таким орлам *воспарять*

¹ Так! (нем.).

² Разгадка (фр.).

[выделено Лифшицем] над землей!» Это он прибавил, он прибавил! И Смердяков это же говорил.

Лифшиц: Не принадлежишь себе, не смеешь, не будем как боги.

с. 189. Достоевский: Всех волновал приезд знаменитого Фетюковича

Лифшиц: Спасович^[159]

с. 201. Достоевский [Ракитин на суде]: Всю трагедию судимого преступления он изобразил как продукт застарелых нравов крепостного права и погруженной в беспорядок России, страдающей без соответственных учреждений

Лифшиц: Тут еще во всем и разложение старой крепостной России в лице ее просвещенного сословия. Пошлая, но трагедия

с. 240. Достоевский [из речи прокурора]: ...убоясь цинизма и разврата его и ошибочно приписывая все зло европейскому просвещению, бросаются, как говорят они, к «родной почве»...

Лифшиц: Да это западники и славянофилы!

с. 241. Достоевский [из речи прокурора]: О, мы непосредственны, мы зло и добро в удивительнейшем смешении, мы любители просвещения и Шиллера и в то же время мы бушем по трактирам и вырываем у пьянчужек, собутыльников наших, бороденки. О, и мы бываем хороши и прекрасны, но только тогда, когда нам самим хорошо и прекрасно

Лифшиц: *Анархо-либерализм*, отрицаемый и автором, но все же более почитаемый им

[На этом заметки Мих. Лифшица на полях романа Достоевского заканчиваются, но в тексте романа много, кроме приведенных выше, подчеркиваний и выделений]

б) Заметки на полях примечаний А.П. Гроссмана^[160] к роману «Братья Карамазовы»

(Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10 томах. М., 1958, т. 10)

с. 466. [Запись Достоевского в своей черновой тетради от 1874 г.:] Два брата, старый отец, у одного невеста, в которую *тайно и завистливо* [выделено Лифшицем] влюблен 2-й брат.

Лифшиц: «Разбойники»

с. 467. [Запись Достоевского в своей черновой тетради от 1874 г.:] День рождения младшего. Гости в сборе. Выходит. Я убил. Думают, что удар

Лифшиц: Это вошло в историю Зосимы. История толстовская. А различие?

с. 468. [Запись Достоевского в своей черновой тетради середины семидесятых гг.:] « — И так один брат. *Атеист и отчаяние. — Другой — весь фанатик. — Третий будущее поколение, живая сила, новые люди.* (И — новейшее поколение — *дети*)» [все выделения выше сделаны Лифшицем]

Лифшиц: Но этого нет

с. 470. [А.П. Гроссман:] Отец Достоевского был убит своими крепостными в своем имении — Чермашне. «Быть может, не простая случай-

ность, — продолжает дочь писателя, — что Достоевский назвал Чермашней деревню, куда старик Карамазов посылает своего сына Ивана накануне своей смерти»

Лифшиц: Нельзя судить человека, имевшего такие первые впечатления жизни — он должен был устремиться к церкви. А Некрасов, а Щедрин? У них было что-то подобное. И в Некрасове есть часть Достоевского. Стихия разложения, описанная мне Ю.А. Спасским^[161]

с. 478. [Н. Михайловский о Достоевском:] «С течением времени эта боль об униженном стала осложняться чувством совершенно противоположным, каким-то жестоким чувством почти радости, что человек унижен, а тщательное изыскание лежащего на дне души чувства собственного достоинства и протеста заменилось проповедью смирения и вольного или невольного (каторжного) страдания»

Лифшиц: Нет, не *в этом все дело*, а в оппозиции против либерализма, что не понял Михайловский, а *за ним все*.

с. 479. [Л.П. Гроссман:] В эпоху написания романа вопрос об общественном суде стоял особенно остро: только что была оправдана присяжными Вера Засулич, стрелявшая в петербургского градоначальника Трепова. Правая печать признала этот оправдательный приговор «чудовищным делом», и органы Каткова и Мещерского открыли яростную кампанию против суда присяжных. Изображая процесс Митеньки Карамазова, Достоевский откликается на этот поход правительственной прессы против общественного суда

Лифшиц: *Так ли?*

с. 479. [Л.П. Гроссман:] Достоевский «возражает против института присяжных (якобы испытывающих “ощущение самовластия” и одержимых “манией оправдания”) и дискредитирует деятельность адвокатов (“лжет против своей совести” и проч.)...»

Лифшиц: Однако здесь есть *проблема*

с. 480. [Л.П. Гроссман:] Если бы значение романа исчерпывалось политическими страницами, «Братья Карамазовы» отошли бы к позабытым образчикам антинигилистической беллетристики, насаждавшейся «Русским вестником» Каткова. Но книгу писал гениальный художник с «глубоким сердцем» (по определению Л.Н. Толстого), умевший подняться в своем творчестве над заблуждениями своей политической программы

Лифшиц: Обычно^[162]. А на деле — не только *вопреки*, но и *благодаря*

с. 481. [Л.П. Гроссман:] Наконец, в декабре 1879 [подчеркнуто Лифшицем] года Достоевский выступает перед студенческой аудиторией с чтением «Великого инквизитора», предпосылая своему чтению небольшое *вступительное слово* [выделено Лифшицем], в котором опровергается возможность соединения христианства с «целями мира сего», т. е. с государственными задачами

Лифшиц: *Не все ложно!*

с. 481. [Л.П. Гроссман:] В своих автокомментариях Достоевский не скрывает реакционной сущности своей общественной философии, во-

плотившейся в поэме Ивана Карамазова. «"Камни и хлебы", — сообщает он, — это современный социальный вопрос»: социализм «хлопочет прежде всего о хлебе...» На это Христос отвечает: «Не хлебом единым жив человек»

Лифшиц: Герцен

с. 481–482. [Л.П. Гроссман:] Критика одной из центральных страниц евангелия ведется *якобы с позиций передовой мысли XIX века, представленной Достоевским в образе испанского первосвященника* [выделено Лифшицем]...

Лифшиц: ??

с. 482. [Л.П. Гроссман:] Но под Ватиканом здесь все время разумеются и новейшие социальные учения, призывавшие еще в сороковые годы к переустройству человечества на основе правильного распределения материальных благ

Лифшиц: Не видит, что это и Чингисхан, и либерализм, и что *Достоевский* прав в своей полемике против этого и против *такого* социализма как *демократ*

с. 482. [Л.П. Гроссман:] «Вавилонская башня», «общий и согласный муравейник», «потребность всемирного соединения», «успокоение всех», «миллионы счастливых младенцев» — вся эта терминология Инквизитора соответствует обычному словоупотреблению Достоевского, когда он пишет о социализме

Лифшиц: Это верно, однако не совсем так и Иван не согласен с Инквизитором

с. 483. [Л.П. Гроссман:] Здесь раздаются отзвуки ранней социалистической литературы, питавшей мысль петрашевцев, — «Иисус перед военными судами», «Иезуитизм, побежденный социализмом» Дезами или «Истинное христианство» Кабе (в последней книге имеется глава «Иисус отвергает все искушения»). В рассказе 1847 года «Хозяйка» уже звучит одно из основных утверждений Инквизитора: «Ничего и никогда не было для человека и человеческого общества невыносимее свободы!»

Лифшиц: Это так, но... пока свобода запечатлена [?] темой возможного получения наследства

[На этом заметки Мих. Лифшица на полях примечаний Л.П. Гроссмана к роману Достоевского «Братья Карамазовы» заканчиваются]

3. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПОВЕСТИ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

[Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10 томах, том четвертый. М., 1956]

с. 133. [Надпись вверху страницы, над заголовком повести]

Как угнетенность, подавленность и не фактическая, а подавленность сознательного существа переходит в проблему *бескорыстно злого*, которое по-своему род добра и во всяком случае лучше *корыстно доброго* (а социализм, мол, это тоже *корыстно-доброе*), но Достоевский здесь